

И. И. КАБЛИЦ О БЮРОКРАТИЧЕСКОЙ ПРИРОДЕ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Г. Н. Мокшин

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 9 сентября 2025 г.

Аннотация: статья посвящена реконструкции взглядов на проблему русской интеллигенции идеолога крайне правого народничества 1880-х гг. И. И. Каблица (Юзова). Основное внимание уделяется анализу тезиса народника о стремлении интеллигенции вести народ по пути прогресса при помощи «бюрократического кнута». Устанавливаются причины «интеллигентофобии» Каблица, связанные с отстаиваемой им доктриной общественных преобразований страны, с упором на народную (общинную) демократию. Делаются выводы о сильных и слабых сторонах его позиции в спорах со сторонниками неотложных политических преобразований.

Ключевые слова: народничество, интеллигенция, бюрократия, народ, народолюбивый бюрократизм, «юзовщина».

Abstract: the article is devoted to the reconstruction of the views on the problem of the Russian intelligentsia of I. I. Kablitz (Yuzov), the ideologist of extreme right-wing populism of the 1880s. The main attention is paid to the analysis of the thesis of the populist about the aspiration of the intelligentsia to lead the people along the path of progress with the help of «bureaucratic whip». The reasons for Kablitz's «intelligentsophobia» are established, which are connected with the doctrine of social transformation of the country defended by him, with emphasis on people's (communal) democracy. Conclusions are drawn about the strengths and weaknesses of his position in disputes with supporters of urgent political transformations.

Key words: populism, intelligentsia, people, bureaucracy, «people-loving bureaucracy», «yuzovschina».

Видный народнический публицист Иосиф Иванович Каблиц (1848–1893) вошел в историю русской общественной мысли конца 1870-х – начала 1890-х гг. как один из самых яростных критиков так называемой передовой русской интеллигенции. Именно Каблиц первым из народников обвинил ее в «народолюбивом бюрократизме», т. е. в стремлении вести народ по пути прогресса при помощи «бюрократического кнута». И это притом, что сам публицист был типичным представителем этой самой интеллигенции. Неслучайно соратники по народническому лагерю встретили статьи и книги Каблица об интеллигенции и народе с крайним недоумением. Ведь растворяя идеиную интеллигенцию в бюрократии, он тем самым присоединил свой голос к выдумкам реакционеров о том, что интеллигенция – это новый становой и судебный пристав, враг народа и т. д. [1, с. 107; 2, с. 23]. Зачем это было делать? Чтобы отстоять свое право называться представителем «истинно народной» интеллигенции, которого до этого никто не слушал?

В исторической литературе размышления Каблица о бюрократической природе интеллигенции сравнительно редко становились предметом специальнно-

го изучения [3; 4, с. 181–188]. Ведь он был идеологом крайне правого народничества, которое чрезмерно идеализировало народ и демонизировало интеллигенцию. Тем более что большинство народниковедов признают историческую правоту главного антипода Иосифа Каблица – Н. К. Михайловского – сторонника неотложных политических преобразований. Зато современные критики радикально-демократической интеллигенции (в основном социологи и политологи) активно ссылаются на Каблица, приписывая ему разработку концепции интеллигенции как новой формы партийно-государственной бюрократии [5, с. 6, 24; 6, с. 270; 7, с. 327].

Цель данной статьи – реконструировать взгляды И. И. Каблица на проблему социальной природы русской интеллигенции и определить сильные и слабые стороны его позиции. Основными источниками послужили статьи Каблица конца 1870-х – начала 1880-х гг. («Интеллигенция и народ», «Бюрократизм и самоуправление», «Бюрократизм и интеллигенция» и др.), позволяющие проследить генезис его основных идей. Исследователи данной темы обычно ссылаются на книги Каблица, куда эти статьи вошли в переработанном виде.

Иосиф Каблиц – человек 1870-х гг., активный участник революционно-народнического движения, бакунист, горячий защитник народа и его права на

самостоятельное устройство своей жизни, без опеки со стороны интеллигенции. Вера Каблица в народ подпитывалась существованием в России раскольников. Знакомство с ними во время знаменитого «хождения в народ» убедило его, что у народа есть собственная интеллигенция, способная дойти до понимания антнародной сущности государства. (В 1880 г. Каблиц посвятил раскольникам свою первую книгу «Русские диссиденты»). Одновременно с верой в народ росло его недоверие к общественной интеллигенции, вступившей в самостоятельную борьбу с самодержавием. В 1876 г. Каблиц поддержал землевольцев, но не вошел в состав их организации, а с образованием «Народной воли» покинул революционный лагерь и начал разработку собственной версии народничества [8, с. 27–29].

Еще на заре своей революционной деятельности Каблиц вынашивал план облагодетельствования народа путем замены Александра II на истинно народного монарха, например, на «Чернышевского I». За это он даже получил шутливое прозвище «цариста» [9, с. 100–101]. Интересно, что покончить с царствующей династией Каблиц собирался при помощи динамика, с начала 1870-х гг. настойчиво продвигая эту идею в революционной среде. Но в начале 1880-х гг. бывший бакунист окончательно пришел к выводу, что главная причина всех зол русской земли – это не царь, а бюрократия. Потому что монархия (благодаря народовольцам) может стать народной, а политический режим, основанный на принудительной регламентации и опеке, т. е. на всевластии бюрократов – нет. И единственный выход – замена бюрократизма народным самоуправлением [10, стб. 97–98].

Противопоставление бюрократии народу как главных врагов и антагонистов актуализировало в глазах Каблица вопрос о социальной природе интеллигенции и истинных причинах ее противостояния с властью.

Первые споры об интеллигенции и ее роли в формировании русской жизни начались как раз на рубеже 1870/80-х гг. Защитники интеллигенции уверяли, что это самая ценная и деятельная общественная сила. Не привязанная к какому-либо конкретному сословию, она действует во имя общенародных интересов и, следовательно, ей можно доверить роль «кормчего» русской жизни (руководящей и направляющей силы). Противники, наоборот, доказывали, что отстаивая необходимость политических преобразований, интеллигенция выдает свою буржуазную природу и интересы народа требуют ее изоляции [11].

Каблиц (Юзов) в спорах об интеллигенции оказался в лагере ее противников, хотя и был народником. Дело в том, что, по убеждению Каблица, истинный народник на все проблемы русской жизни должен был смотреть глазами народа. А «народ» относился

к интеллигенции с явным недоверием, так как видел в ней слугу государства, т. е. ту же бюрократию [12, стб. 985–986; 13, стб. 1052]. Именно по этой причине радикальной интеллигенции так и не удалось сыграть роль коллективного Стеньки Разина.

Что не так с русской интеллигенцией и ее стремлением к сближению с народом? Этим вопросом Каблиц задался еще до цареубийства 1 марта 1881 г.

Прежде всего, нужно разобраться, какой смысл вкладывался тогда в понятие «интеллигенция». В начале 1880-х гг. слово «интеллигенция» употреблялось в двух основных значениях. Первое, более широкое, зафиксировано в словаре В. И. Даля, где интеллигенция определяется как наиболее образованная и умственно развитая часть жителей [14, с. 46]. Второе значение слова интеллигенция более специфическое, характерное в основном для либерально-демократической печати. Это особая общественная сила, которая берет на себя роль носителя исторического, нравственного и иного самосознания общества, творца новых социальных форм и этических идеалов. Или, как удачно выразился Л. Е. Оболенский, интеллигенция – это партия, которая «совершает прогресс» [15, с. 131].

Первыми общественными деятелями, использовавшими слово «интеллигенция» для самоназвания, были русские народники 1870-х гг., включая Каблица. Но в 1880-е гг., желая умерить мессианские претензии интеллигенции, он расширяет значение этого понятия, включив в него всех работников умственного труда: писателей, ученых, врачей, инженеров, священников, офицеров, и, наконец, чиновников. Главным критерием принадлежности к интеллигенции здесь является наличие профессиональных знаний, а не идейность и альтруизм, как у старых народников. Развивая данный подход, Каблиц, между прочим, пришел к выводу о возможном превращении интеллигенции в новое сословие из представителей интеллигентных профессий [16, с. 181–182].

Следующий вопрос: как соотносятся у Каблица понятия «бюрократия» и «интеллигенция»? Некоторые исследователи утверждают, что для него это было одно и то же [17, с. 31, 350; 18, с. 4]. В действительности публицист прямо пишет об их враждебном отношении друг к другу. Интеллигенция была создана властью и изначально мало отличалась от других ее орудий, включая бюрократию. Но в пореформенные годы она превратилась в самостоятельную общественную силу, стремящуюся к свободе и развитию земского самоуправления. С этой целью она пытается опереться на народ, который тоже страдает от бюрократического произвола. А бюрократия, чтобы не потерять власть, старается оградить народ от влияния интеллигенции [13, стб. 1054].

Однако, по мнению Каблица, между интеллигенцией и бюрократией есть кое-что общее. Это их отношение к народу как к объекту опеки. Якобы народ – это неразумное дитя, которое надо водить на помохах и никогда не оставлять без присмотра. Передовая русская интеллигенция, писал Каблиц, уверена в том, что она одна знает, в чем причины торжествующего в жизни зла и как освободить народ от бедности и угнетения. И на этом основании пытается присвоить себе роль народного наставника и руководителя. Хотя народ ее об этом не просит [10, стб. 97–98; 19, стб. 253–254]. Главная проблема в том, что свои представления об идеальном общественном устройстве она заимствовала в Европе и теперь хочет презентовать их русскому народу, наивно полагая, что эти новые общественные формы сделают его подлинно свободным [20, стб. 313].

Необходимость идеала, как путеводной звезды, указывающей обществу и народу направление их развития, Каблиц не отрицал. Однако, по убеждению публициста, общественные формы жизни должны были основываться не на общечеловеческих идеалах, а на реальных потребностях (уровне развития) конкретного народа. Иначе они будут не жизнеспособны, а в худшем случае переродятся в новые инструменты господства меньшинства над большинством [там же, стб. 311, 314; 21, стб. 1057]. Следовательно, освобождение народа возможно только на почве развития его самодеятельности и внутренней свободы, к которым русский крестьянин-общинник стремился без всякого влияния интеллигенции [22, с. 113].

Отсюда новая трактовка Каблицем роли русской интеллигенции: помочь народу более ясно осознать и осуществить те потребности и стремления, которые уже пробудились в его сознании. Интеллигенция должна была стать акушером деревенской мысли, а не навязывать ему собственные идеалы и средства их осуществления, включая земские школы, больницы и ссудо-сберегательные кассы. По заверению Каблица, земство и кооперация не могли спасти народ ни от невежества, ни от нищеты, но уже внесли свою лепту в распространение кулачества [20, стб. 310].

В литературе о Каблице существует точка зрения, что под интеллигентными бюрократами, стремящимися к насильтственному регулированию народной жизни, он понимал представителей народничества во главе с Н. К. Михайловским [23, с. 50]. Выдающийся публицист даже посетовал однажды, что Каблиц занес его в разряд каких-то «интеллигентно-бюрократических народолюбцев» и «долбит это обвинение» почти везде с его именем [24, стб. 632]. На самом деле, с точки зрения Каблица, бюрократическими наклонностями страдали не только социалисты, но и представители либеральной интеллигенции. «Достаточно хотя немного поскоблить так называемого либерала, –

пишет публицист в одной из своих статей, – чтобы увидеть бюрократа» [10, стб. 95].

Итак, главная причина недоверия Каблица к передовой интеллигенции – это его убеждение в том, что эта «партия прогресса» стремится не к освобождению своего народа, а к установлению такого политического режима, при котором она будет играть роль нового, просвещенного опекуна (вместо старой русской бюрократии).

Выступления Каблица против интеллигенции и ее «показного» народолюбия не остались без ответа. Его критиковали и радикалы, и либералы, и даже консерваторы.

Бывшие соратники по революционному лагерю не могли простить Каблицу то, что он по сути объявил интеллигенцию худшим и опаснейшим врагом народа. Якобы она хочет сбить народ с его собственного пути и навязать ему свое господство. И именно в этом главная причина отчуждения интеллигенции от народа. Большинство критиков оценило эти выпады как злобные инсинуации. А один из современников назвал труды Каблица на эту тему, в том числе его знаменитые «Основы народничества» (СПб., 1882), «тошнотворными» [25, с. 303].

Как и все анархисты, Каблиц чрезмерно идеализировал простой народ и его возможность устроить свою жизнь так, как он хочет, без помощи народолюбивой интеллигенции. Очевидно, что в данном случае Каблиц апеллировал не к реальному крестьянству, а к идее народа. Как, впрочем, и другие народники. Только у Каблица, с его преклонением перед «нравственными задатками» и «коллективной мудростью» деревни, образ народа получался слишком далеким от реальности. Хотя народник и уточнял, что превосходство народа над интеллигенцией относится исключительно к сфере социального творчества, а не к познанию окружающего мира.

Не выдерживали критики и предлагаемые Каблицем проекты ограждения народа от бюрократического произвола. Потому что все свои надежды публицист возлагал на русскую монархию, которая должна была взять доводам истинных народников и встать на сторону народа. Таков, к примеру, его план ослабления влияния бюрократии путем установления прямого контакта царя с народом через выборных ходоков [26, с. 324].

Была у идейных построений Каблица и еще одна «ахиллесова пятя», на которую первым указал его лучший друг Л. Е. Оболенский. Это подход к народу и его стремлениям с позиции собственного общественного идеала. В соответствии с этим критерием Каблиц выделял в народе «симпатичные» и «несимпатичные» ему черты. К первым относились, например, коллективизм (общинный строй жизни) и ненависть к эксплуататорам народного труда. Это следо-

вало всячески поощрять. А вот вера в Бога и покорность судьбе, по мнению Каблица, омрачали народный идеал и препятствовали развитию народного самосознания [27, с. 87–88, 90]. Между тем, как справедливо заметил И. И. Фудель, религиозные потребности народа по-прежнему доминировали над его социальными наклонностями [28, с. 109]. Получается, что, призывая интеллигенцию не навязывать народу своего понимания задач русской жизни, лично для себя и своей фракции Каблиц делал исключение.

Непоследовательность и субъективизм позиции Каблица проявились и при разработке им концепции истинной, «альtruистической» интеллигенции, действующей (в отличие от остальных интеллигентов – «эгоистов») только во благо народа. Почему-то этой интеллигенции, вопреки всем налагаемым на «умственный класс» ограничениям, предписывалось стать руководителем народа (проводником новых идей) во всех сферах его жизни. Якобы она знает «действительные» потребности трудящихся масс (решение земельного вопроса, развитие крестьянского самоуправления, свобода вероисповедания для раскольников и сектантов и т. д.) [10, стб. 94, 98; 12, стб. 983, 985–986]. Все это позволяло обвинять в стремлении к «мудрствованию» над народом и самого Каблица.

В чем же в таком случае истинные причины противостояния И. И. Каблица и Н. К. Михайловского? Ведь оба публициста принадлежали к одному лагерю легальных народников-реформаторов. Все дело в том, что они представляли различные концепции демократических преобразований страны. Есть демократия *представительная*, политическая, на тот момент опирающаяся главным образом на либеральную земскую интеллигенцию. И есть демократия *непосредственная*, социальная, естественным носителем которой представлялось тогда крестьянское самоуправление. Очевидно, что спор Каблица с Михайловским 1880-х гг. надо рассматривать в этом ключе: какая демократия принесет народу подлинное освобождение: парламентская, земская или общинная?

Постоянные нападки на либерально-демократическую интеллигенцию и ее представителей дум сделали Каблица аутсайдером в русском народничестве. Но это вовсе не означает, что его критика интеллигенции возникла на пустом месте. Появление «юзовщины» на рубеже 70–80-х гг. XIX в. – это вполне закономерная реакция части русской интеллигенции на радикализацию народничества. Отстаиваемый представителями его левого крыла принцип «для народа, но без народа» давал интеллигенции право на использование насилия не только по отношению к власти, но и к самому народу. Некоторые народники еще в

конце 1870-х гг. выражали опасение, что новое интеллигентское правительство (в данном случае народовольцев), приходя к власти, могло оказаться намного хуже царского [29, с. 280]. Поэтому, когда Каблиц доказывал, что насаждение общественных форм, для которых народ еще не дорос, гибельно для прогресса, то в этом убеждении он был не одинок.

К сильным сторонам позиции Каблица следует также отнести: 1) признание за народом права жить так, как он хочет, даже если при этом он будет хуже есть, пить и одеваться; 2) понимание невозможности освобождения трудящихся масс без предварительного пробуждения и развития их самосознания и самоактивности; 3) осознание того прискорбного факта, что события 1 марта 1881 г. углубили раскол интеллигенции не только с властью, но и с народом и необходимость коррекции программы преобразований в соответствии с новыми политическими условиями.

В начале 1880-х гг. тезис Каблица о бюрократической природе передовой русской интеллигенции как первопричине ее отчуждения от народных масс не получил широкого распространения. Но спустя десять лет его обвинения интеллигенции в стремлении к господству над народом (ради осуществления своих идеалов) были подхвачены и развиты Львом Тихомировым и целым рядом других мыслителей и общественных деятелей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кривенко С. Н. Собр. соч. : в 2 т. Т. 2 / С. Н. Кривенко. – СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1911. – 456 с.
2. [Тихомиров Л. А.] Кольцов И. Шатанье политической мысли / И. Кольцов // Дело. – 1883. – № 3. – С. 1–28.
3. Асташов А. Б. Интеллигенция и народ в публицистике Каблица : диалог или диктат? / А. Б. Асташов // Россия в новое время. Образованное меньшинство и крестьянский мир : поиск диалога : материалы межвуз. науч. конф. – М. : РГГУ, 1995. – С. 78–80.
4. Зверев В. В. Реформаторское народничество и проблема модернизации России. От сороковых к девяностым годам XIX в. / В. В. Зверев. – М. : УНИКУМ-ЦЕНТР, 1997. – 365 с.
5. Орлов С. Б. Интеллигенция как явление социальной мифологии : историко-социологический анализ : автореф. дис. ... д-ра социол. наук / С. Б. Орлов. – Екатеринбург, 2002. – 29 с.
6. Кустарев А. Нервные люди. Очерки об интеллигенции / А. Кустарев. – М. : КМК, 2006. – 374 с.
7. Рочняк Е. В. Понятие «интеллигентность» как мифологизирующий комплекс моральных качеств человека / Е. В. Рочняк // Феномен философской критики в культуре российского Серебряного века (к 100-летию выхода сборника статей о русской интеллигенции «Вехи»). – Полтава : АСМИ, 2009. – С. 325–334.
8. Мокшин Г. Н. «Человек борьбы» : И. И. Каблиц в народническом движении 1870-х гг. / Г. Н. Мокшин //

Вестник Рязанского университета. – 2022. – № 1. – С. 24–32.

9. Дебагорий-Мокриевич Вл. От бунтарства к терроризму : в 2 кн. Кн. 1 / Вл. Дебагорий-Мокриевич. – М. ; Л. : Молодая гвардия, 1930. – 420 с.

10. [Каблиц И. И.] Бюрократизм и самоуправление // Неделя. – 1881. – № 3. – Стб. 92–98.

11. Мокшин Г. Н. Вопрос об интеллигенции в легальной печати начала 1880-х гг. / Г. Н. Мокшин // Исторические записки : науч. тр. ист. ф-та ВГУ. Вып. 11. – Воронеж : ВГУ, 2005. – С. 17–30.

12. [Каблиц И. И.] Что такое народничество? // Неделя. – 1880. – № 31. – Стб. 981–986.

13. [Каблиц И. И.] Бюрократизм и интеллигенция // Неделя. – 1881. – № 32. – Стб. 1051–1054.

14. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля : в 4 т. Т. 2. – СПб. ; М. : Изд. М. О. Вольфа, 1881. – 807 с.

15. [Оболенский Л. Е.] Н. Н. Литературные заметки. Одному журнальному органчику / Н. Н. // Мысль. – 1881. – № 1. – С. 128–132.

16. [Каблиц И. И.] Юзов. Будущность сословий / Юзов // Русское богатство. – 1885. – № 1. – С. 175–183.

17. Зульпукарова Э. М.-Г. Формирование и деятельность Дагестанской интеллигенции : конец XIX – середина XX века / Э. М.-Г. Зульпукарова. – Махачкала : Юпитер, 2003. – 364 с.

18. Орлов С. Б. Интеллигенция как мифологический феномен. Историко-социологический анализ / С. Б. Орлов // Социологические исследования. – 2001. – № 11. – С. 51–58.

19. [Каблиц И. И.] Роль интеллигенции // Неделя. – 1884. – № 8. – Стб. 252–256.

20. [Каблиц И. И.] Интеллигенция и народ // Неделя. – 1880. – № 10. – Стб. 309–313.

21. [Каблиц И. И.] Либерал и народничество // Неделя. – 1880. – № 33. – Стб. 1055–1057.

22. [Каблиц И. И.] Юзов И. Современная русская жизнь и ее задачи / И. Юзов // Мысль. – 1881. – № 1. – С. 107–118.

23. Балуев Б. П. Либеральное народничество на рубеже XIX–XX веков / Б. П. Балуев. – М. : Наука, 1995. – 267 с.

24. Михайловский Н. К. Полн. собр. соч. : в 10 т. Т. 7 / Н. К. Михайловский. – СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1909. – 976 стб.

25. Аптекман О. Общество «Земля и воля» 70-х гг. : по личным воспоминаниям / О. Аптекман. – Пгр. : Колос, 1924. – 460 с.

26. Каблиц И. (Юзов И.) Основы народничества : в 2 ч. Ч. 1 / И. Каблиц (И. Юзов). – СПб. : Тип. Н. А. Лебедева, 1888. – 466 с.

27. [Оболенский Л. Е.] Л. О. Народники и г. Достоевский, бичующие либералов / Л. О. // Мысль. – 1880. – № 9. – С. 82–96.

28. [Фудель И. И.] Н. Н. Письма о современной молодежи и направлениях общественной мысли / Н. Н. – М. : Тип. М. Г. Волчанинова, 1888. – 177 с.

29. Кривенко С. Н. Физический труд как необходимый элемент образования / С. Н. Кривенко. – СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1879. – 300 с.

Воронежский государственный университет
Мокшин Г. Н., доктор исторических наук, профессор
кафедры истории России
E-mail: mok410@mail.ru

Voronezh State University
Mokshin G. N., Doctor of Historical Sciences, Professor
of the Russian History Department
E-mail: mok410@mail.ru